

Ольга Вечная

СОДЕРЖАНКА

18+

Ольга Вечная
Содержанка

«Автор»

2026

Вечная О.

Содержанка / О. Вечная — «Автор», 2026

— Все мои проблемы решились с тех пор, как я стал спонсором, — произносит Борис.— Кем? — Я хмурюсь.— Спонсором. Девчонки это так называют. Я оплачиваю ее расходы, она за это заботится обо мне. Никакого равноправия, чувств и прочей современной ерунды. Патриархат, удобство и комфорт. В койке, как в турецком отеле, — все включено.— И много у нее таких, как ты?— Полная эксклюзивность. Я периодически проверяю, кстати. Чуть не по нраву — вышвырну. Подумай, Раф, реально. Это круто. А потом, как созреешь, можно и жену поискать. Хотя с твоим характером это сложно. Содержанка — то, что тебе сейчас нужно. Могу познакомить, у моей есть подружки.— Дорого? — Я слегка улыбаюсь.— С твоими доходами — ерунда. Хотя бы попробуй. Гарантирую, это кайф, на который легко подсесть.

© Вечная О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ольга Вечная Содержанка

Ольга Вечная
Содержанка

Книга 1

Все вымышлено. Любые совпадения случайны

Пролог

— О, Раф, наконец-то! Привет, брат! — кричат наперебой Борис, Артур и Славик.

— Вечер добрый.

Алекс Равский с хлопками пожимает партнерам руки. Падает в кресло, ему тут же наливают выпить.

Всем сидящим за столом около тридцати. Мужчины успешны и богаты. А еще изрядно пьяны.

— Как долетел?

— Самолет не упал, как видишь. Устал капец. Соколов тот еще мудозвон, не нравится мне его предложение, и все. — Раф делает глоток, едва морщится. — Что-то не то он мутит. Я жрать хочу, чем тут вообще кормят? — Равский притягивает к себе меню, начинает листать.

— Не парься. Юристы еще раз посмотрят договоры. Если что, маякнут.

— Ты же знаешь мою чуйку. Ладно, забили. Отдыхаем сейчас.

У Рафа голова взрывается. Участие «СоларЭнерджи», его главного детища, в международной выставке заслуженно изменило представление о солнечных батареях. Но получить заказы — это только треть дела. Важно их выполнить. Принципиально важно — в срок.

Раф наугад выбирает блюда и отпускает официанта. Трет лоб и виски, вяло слушая разговор друзей, сам оглядывается по сторонам в поисках той, с кем можно познакомиться. Расслабиться. Нужно хоть немного отпустить вожжи, иначе он сойдет с ума. Поедет в больничку и будет лечить голову, как вечно угрожает его приемная мать. Нельзя столько работать. Деньги — далеко не все в жизни. Легко рассуждать об этом, когда они есть. Еще недавно у Рафа ничего не было, и он готов был поспорить.

— Как у вас дела? — спрашивает наконец.

— Нормально. Рита хочет подать на развод. — Артур сообщает новость как само собой разумеющееся. — Все как обычно.

— Опять? Вы хоть раз доходили до финиша?

— Пару раз доезжали до загса, — усмехается приятель. — Потом нервы сдавали у нее или у меня. Поглядим, как в этот раз.

— Вот поэтому я больше никогда не женюсь. — Борис наполняет стаканы.

— Одному тоже хреново. — Раф смотрит перед собой. — Я летел двадцать часов, сил нет зрчками двигать, не то что проводить презентацию себя хорошего и знакомиться.

— Нуними шлюху.

Раф морщится. Его параноидальный страх перед всякой заразой не позволяет даже притронуться к девице с низкой социальной ответственностью. Вообще, сложное дело — вести столь крупный бизнес и параллельно успевать строить отношения. Знакомиться, уделять время, неделями помнить о существовании женщины...

— Ладно, проехали.

— Все мои проблемы решились с тех пор, как я стал спонсором, — встречает Борис.

— Кем? — Раф приподнимает брови.

— Спонсором. Девчонки это так называют. Я оплачиваю ее расходы, она за это заботится обо мне. Никакого равноправия, чувств и прочей современной ерунды. Патриархат, удобство и комфорт. В койке, как в турецком отеле, — все включено.

— И много у нее таких, как ты? — уточняет Равский брезгливо.

— Полная эксклюзивность. Я периодически проверяю, кстати. Чуть не по нраву — вышвырну. Подумай, Раф, реально. Это круто. А потом, как созреешь, можно и жену поискать. Хотя с твоим характером будет сложно. Содержанка — то, что тебе сейчас нужно. Могу познакомить, у моей есть подружки.

— Дорого? — Раф слегка улыбается.

— С твоими доходами — ерунда. Ты же Алекс Равский, кто сейчас не знает это имя? Хотя бы попробуй. Гарантирую, это кайф, на который легко подсесть.

— Подумаю. — Раф осушает стакан.

Он физически не может спать в самолете, поэтому бодрствует уже больше суток. Организм функционирует на автомате, усталость настолько сильная, что сон не идет. Такое с Рафом уже бывало. Нужно напиться и выключиться. Через пару дней войдет в режим и перестроится на новое время.

— Ты гений, но гений с подвохом. Не каждая бесплатно захочет терпеть.

— Я не собираюсь больше жениться.

— Детей все равно надо. Рано или поздно ты к этому придешь, но согласен, сейчас реально некогда. Ты надолго в Москве?

— Месяца два-три. В Сиднее пока нечего делать, там все налажено. Ну и Игорь смотрит.

— Отлично. Ладно, парни, я поехал. Моя нежная девочка уже заждалась, ужин домашний готовит. Не хочу ее расстраивать. — Борис поднимается с места.

Раф бросает взгляд на пучок салата, который ему принесли. Думает о холодной постели и берет приборы.

Через час он уже дома. Ходит по квартире, борется с бессонницей. Настроение вроде бы нормальное, но при этом внутри пусто. И пустота эта — тяжелая, объемная. Какая-то будто распирающая.

Сон приходит ближе к семи утра. Примерно минут через двадцать сотовый начинает вибрировать. Раф нащупывает его рукой, разлепляет веки. Номер неизвестный. Первая мысль — вышвырнуть в окно и продолжить наконец спа-ать!

Следующая догадка иглами ужаса втыкается в затылок: вдруг что-то случилось? Тревога берет свое, Раф мажет пальцем по экрану и прижимает телефон к уху:

— Да?

— Александр Дмитриевич Равский? — резко произносит смутно знакомый женский голос.

— Верно.

— Это Алла Теодоровна Андреева, я хочу поговорить с вами о своей девочке.

Андреева? Раф подтягивается на подушке. Единственная эмоция — голое неконструктивное раздражение. От усталости.

— Какой еще девочке?

— Иве Ершовой. Четыре месяца назад вы прислали ей цветы на сто тысяч. После чего у нас состоялся, полагаю, не самый приятный в вашей жизни разговор.

Раф садится ровнее и усмехается:

— Вы мне угрожали.

— Так уж и угрожала. Ерунда какая! Мы можем встретиться? Часа через два у меня будет немного времени.

Раф собирается отказаться, но Андреева добавляет:

— По поводу Ивы.

В ее голосе звучат требовательные и хищные нотки. Или же Рафу спросонья так кажется? Хочется снова уткнуться в подушку и продолжить спать. Он так и делает секунды на три. За это время успеваает увидеть сон, в котором девушка с длинными темными волосами весело смеется. И смотрит на него.

Раф открывает глаза и понимает, что до сих пор сжимает мобильный.

— Алекс? Напомните, чтобы я не тратила время. Вы все еще богаты и успешны?

— Да.

Он думает о горячем ужине, режиме «все включено» в койке и девушке. Красивой и гибкой. Стройной. С невероятными глазами.

— Тогда записывайте адрес.

— Диктуйте, я запомню.

Глава 1

Ива

Я замираю с костылем, затем оборачиваюсь и запихиваю его обратно в машину.

— Ива, что ты делаешь? — Мама подходит ближе и грозно хмурится.

— Мне лучше. Правда. Да и тут два шага, ничего страшного, сама дойду.

— Доктор кому сказал беречь, не нагружать? — Мама невозмутимо достает костыль и вручает мне.

— Я и так почти не напрягаюсь. Пожалуйста, не настаивай, я справлюсь.

Мысль появиться перед сборной в столь никчемном виде буквально убивает! Я проверяла: могу продержаться на ногах час. Мне нужен этот час. Жизненно необходим, как кислород. Но мама и слышать не хочет. Разводит руками и повышает голос:

— Ты стесняешься, что ли?

— Нет, просто не хочу никого расстраивать. Я какая-то... жалкая. А я никогда не была жалкой, мам. Пожалуйста.

— Я сейчас же звоню Льву Захаровичу.

Она достает телефон, набирает номер хирурга и начинает жаловаться. Глаза жжет, я сжимаю зубы, выхватываю костыль и, опираясь на него, шустро ковыляю в сторону общежития. Операция длилась дольше пяти часов — я не могу подвести врача и испортить результат его работы. И так уже все, что могла, испортила, неудачница.

Глупая травма! Я почти восстановилась и должна была ехать сегодня на соревнования. Качаю головой, запрещая себе думать об этом. Не время.

Захожу в корпус и тут же слышу крики:

— Ива! Там наша Ива!

Кожу покалывает от удовольствия. Родные голоса близких людей. А еще я обожаю запах нашего общежития — жадно вдыхаю его, насыщаясь. Если честно, то дома уснуть не получается. У мамы... словно в гостях.

Девчонки спешат навстречу, и мы обнимаемся. Особенно долго — с Таней и Леной, моими самыми близкими подругами. Да, формально на соревнованиях мы соперницы, в последние годы делили первые места и даже ссорились из-за внимания тренера. Но все остальное время — неизменно поддерживали друг друга, как никто в мире.

— Как ты? — спрашивает Лена, когда мы отходим чуть в сторону и остаемся втроем. Смотрит в глаза.

Я с трудом выдерживаю взгляд.

— Нормально. Буду болеть за вас изо всех сил. Первые два места точно наши.

— Могло бы быть три, — говорит Таня. — Вы с Леной делите первые два, потом я. Как всегда.

— Ставят Лизу, но она не сможет. Должна была ехать ты, Ива, — с жаром заявляет Лена. Упрямо, быстро. Словно ее слова что-то могут изменить.

— Да ничего, это неважно. Все мысли о том, как вы выступите. И зря вы про Лизу, я в нее очень верю.

— Жаль, что ты не сможешь поехать хотя бы поболеть!

Улыбаюсь шире. Тренер сказала, что не стоит.

Меньше всего на свете я хочу, чтобы девочки ехали с чувством вины или испытывали ко мне жалость. Зря взяла в поездку маму! Она должна была помочь, а не вести себя так, словно мне пять!

Отставляю злополучный костыль подальше и опираюсь на подоконник.

— Мне значительно лучше. Правда. Скоро восстановлюсь.

— Впервые без тебя. Если честно, я не представляю как... Меня даже тошнило с утра.

Мой рок — излишняя эмоциональность — прорывается даже через обезболивающие. С самого детства я могла заплакать на ровном месте от радости или печали. Сейчас сам бог велел. Слезы катятся по щекам, хотя я продолжаю улыбаться. Забавно, что могу, плача, продолжать делать необходимое. Тренера давно привыкли.

— А ну-ка перестаньте! — встряхиваю подруг. — Вы самые лучшие! Самые-самые! Сильные, смелые, талантливые. Мои девочки! Вы поедете и привезете медали. Кто-то же должен мне их показать, в конце концов!

— Ох, Ива!

Мы обнимаемся втроем крепко-крепко. Потом я провожаю девочек до микроавтобуса. Обнимаюсь с тренерским составом, улыбаюсь.

Меня зовут Иванна Ершова, мне двадцать один год. С шестнадцати лет я в сборной страны и в этом году должна была выступать на Олимпийских играх. Сейчас это под вопросом. Игры через несколько недель, а у меня нога в гипсе.

Четыре месяца назад в моей жизни начался кромешный ад. Травма и как ее следствие — сорванное выступление. Полный шок и провальное интервью. Мне вкололи что-то очень сильное, разум словно помутился, я не поняла журналистов и сказала не то, что следовало. После чего спонсоры прекратили со мной сотрудничество. Разом. Без объяснения причин и шанса оправдаться. Просто вычеркнули из жизни.

То злополучное интервью и фотографии красовались во всех спортивных изданиях. Я почти восстановилась, но неделю назад, как сказала Алла Теодоровна, доломалась окончательно.

Все, что могу сделать для команды, — это поддержать морально.

Смотрю вслед уезжающему микроавтобусу. Лена и Таня высунулись из окон и машут, а я в ответ. Девочки шлют воздушные поцелуйчики. Я плачу и смеюсь одновременно.

— Ива, я на работу опаздываю, — осторожно просит поспешить мама.

— Да-да, конечно. Идем.

Сжимаю костыль. Представляю, как отбрасываю его и бегу. Бегу быстро-быстро!

Забираюсь в машину, пока еще нашу, и смотрю в окно.

— Тебя в университет?

— Домой.

— Ива, учеба в самом разгаре. Раз ты больше не тренируешься, нужно посещать занятия в полную силу. Уверена, это бы отвлекло тебя. Студенческая жизнь, новые знакомства. Парни! О, я обожала! Единственное, о чем жалею, — что так рано встретила твоего отца. Хотя тогда бы у меня не было тебя. Значит, ни о чем не жалею...

Мама продолжает болтать, стараясь развеселить, и я улыбаюсь, чтобы не расстраивать ее. Выхожу у университета, машу рукой. Едва внедорожник скрывается за поворотом, ковыляю на остановку. Не могу я там находиться. На меня смотрят абсолютно все. Столь активное сочувствие хуже насмешек.

В автобусе достаю наушники и включаю на телефоне запись своего последнего выступления. Прокручиваю его снова. Снова и снова. И снова. И снова.

После возвращения Алла Теодоровна приглашает в гости. Оставив костыль у входа, я, выпрямив спину, прохожу в кухню.

Стинг, небольшая собачка породы бишон-фризе, несется навстречу и начинает ластиться. Приседаю и с радостью глажу, сюсюкаясь. Почти не морщусь от стрельнувшей боли.

Алла Теодоровна тем временем готовит чай, накрывает на стол.

Каждый раз при общении с Андреевой переполюет величественный ужас, смешанный с восхищением. До сих пор не знаю, чем я понравилась ей девять лет назад, но после сорев-

нования она пригласила нас с мамой на разговор. Помню этот невероятный трепет и стыд за дешевый купальник, за ошибки, которые допустила.

Алла Теодоровна сказала маме, что я невероятно женственная и грациозная для своего возраста. И что никто из выступающих сегодня не слышал музыку так, как слышала ее я. Андреева предложила переехать в Москву. Дальше была сложная ночь, мы с мамой долго обсуждали, спорили, а утром дали положительный ответ.

Места в общежитии не было, и тренер запросто поселила меня у себя на диване. Безоговорочно поверила в совершенно чужого человека! Благодаря ей мы с мамой имеем все, что имеем. Алла Теодоровна — совершенство.

Когда я присаживаюсь за стол, она сразу переходит к делу:

— На Олимпийские игры ты не едешь.

Опускаю глаза и вжимаю голову в плечи. Слезы текут ручьем, но тренер не обращает внимания, она привыкла к этой моей особенности.

— Еще целых три недели, это много. Я справлюсь.

— Нет, не успеешь. Я говорила с врачом. Если ты вернешься к тренировкам прямо сейчас, есть вероятность, что останешься вообще без ноги. Я не могу так рисковать.

— Я могу. Мне двадцать один, я взрослая. И полностью беру на себя ответственность...

— Исключено, — отрезает Алла Теодоровна.

Волоски встают дыбом. Спорить с ней невозможно в принципе. Это недопустимо, да и... нереально. Не могу себе подобное представить. Шепчу:

— Простите. Простите меня, пожалуйста.

— Ива... — Ее голос становится теплее. — Ты моя девочка на веки вечные. Как бы ни сложилось, ты всегда будешь моей дочерью. Моим лучиком. Одна из красивейших гимнасток мира. Я когда тебя увидела, сразу поняла: эта, с неправильной осанкой и в перешитом дрянном купальнике, моя.

Плачу против воли. В этом плане я всегда завидовала Лене — как бы больно ни было, ни слезинки. Я делала не хуже, но при этом рыдала.

— Следующие игры через четыре года, мне будет уже целых двадцать пять.

— Да. И с твоими травмами мы просто не доживем.

Беру салфетку, вытираю щеки.

— Что же мне тогда делать?

На самом деле хочется лечь, закрыть глаза и исчезнуть. Но вслух я не могу такое сказать.

Алла Теодоровна включает видео, на котором мне двенадцать. Стою с первой значительной золотой медалью, свечусь счастьем. Шишка на голове затянута так сильно, что улыбка кажется еще шире. Бойко даю интервью. Рассказываю, что мечтаю стать чемпионкой и найти любовь всей жизни.

— Это я тогда «Сумерки» прочитала, — оправдываюсь. — Была под впечатлением.

— Если с первой мечтой не получилось, то стоит обратиться ко второй, Ива. Вечером у тебя свидание с мужчиной.

— Что?! — Округляю глаза.

Шок такой сильный, что перестаю плакать.

— Мы сейчас допьем чай, и я подберу для тебя подходящую одежду и макияж. Расскажу, что за мужчина.

Пульс ускоряется, сердце тарабанит как безумное. Тема мужчин всегда была табуирована. Спорт на первом месте.

Следом осеняет: Алла Теодоровна хочет от меня избавиться. Как ненужный товар, спихнуть с глаз.

— Лена с Таней тренируются, а я... — Щеки пылают. — Ни за что. Дайте мне шанс. Я лучше сама себе ногу ампутую, чем...

Алла Теодоровна смотрит в глаза, я мгновенно закрываю рот. В голове стучит: «Вечером. Встреча этим вечером. Она обо всем договорилась».

— Так, Ива. Давай-ка пробежимся по пунктам, о чем точно не стоит говорить с мужчиной на первом свидании...

Глава 2

Когда гимнастка выходит на ковер, каждая деталь имеет решающее значение. Еще до того, как зазвучит музыка, задолго до момента, как будет выполнено первое движение программы, — я уже выступаю. Ко мне прикованы взгляды. Гимнастка создает образ с первой секунды.

Смотрю в зеркало и встряхиваю головой. Сегодня мой образ также продуман до мелочей, вот только он не для судей, а для одного человека, с которым у меня свидание.

Волосы распущены, макияж ярче, чем я привыкла. Одежда, отдать должное, по вкусу. Никаких вырезов или прочих унизительных деталей. Стильное закрытое платье из плотной ткани по фигуре.

Учитывая, что все спонсоры вмиг отвернулись от неудобной спортсменки, которую впереди ждет долгая реабилитация, нужно где-то найти деньги. Работу или компанию, которая поверит в меня, согласится помочь в обмен, например, на рекламу. Иначе я даже не представляю, что делать.

Алла Теодоровна считает, что не помешает выйти замуж. Разумеется, удачно, а не за какого-нибудь козла. Она обещала посодействовать. Сглатываю. Я не думаю, что это хорошая идея, но спорить так и не решилась. Была не в том состоянии.

Бросаю взгляд на большие часы в золотой раме — начало восьмого. Я бы сейчас заканчивала тренироваться в любимом телесном купальнике и собиралась на ужин. В нашей столовой по пятницам дают рыбные котлеты. Безумно вкусно.

Сжимаю костыль крепче — потрясающий аксессуар при мне.

— Вам помочь? — предлагает администратор руку. — Проводить до столика?

— Спасибо, я сама. Меня уже ждет, полагаю, какой-нибудь богатый дедушка-извращенец?

Администратор, замешкавшись, моргает.

— Да я шучу! Просто свидание вслепую, — улыбаюсь весело, отмахнувшись. — Нервничаю.

Администратор смеется и грозит пальцем, дескать, ну и шуточки. Я о том же, не поверите!

Ну и шуточки у вас, Алла Теодоровна! Какое замуж?

— Вы первая. Идемте.

Пораженно вновь смотрю на часы — я опоздала на десять минут и приехала... первой?

Присаживаюсь за столик и оглядываюсь. Неуютно. Прячусь за меню. Представляю, как буду рассказывать об этом подругам, и щеки тут же пылают. Ситуация и без того была довольно унизительной, сейчас она впечатывает в стену.

— Определелись? — спрашивает официант еще через пять минут.

Я честно ждала ужин с этим добрым богатым человеком, Андреевой не за что меня упрекнуть. Просто не мое это, наверное. Как и спорт, успех, счастье и прочее хорошее и прекрасное. Пора домой. Закрыться в ванной от мамы и продолжить лежать на полу, рыдая.

— Спасибо, но нет. Что-то совсем пропал аппетит. Посчитайте воду, пожалуйста...

В этот момент к столику быстрым шагом подходит мужчина. Меня даже ветром обдаёт от такой стремительности. Растерявшись, я вдруг чувствую себя очень одинокой и беспомощной. Опускаю глаза. Не успеваю рассмотреть незнакомца как следует, лишь скольжу глазами по белоснежной рубашке и огромному букету алых роз, следом окутывает их навязчивый запах. Сердце ускоряется, кислорода становится недостаточно.

Начинается. Начинается самым кошмарным образом — мужчина опоздал и принес цветы, которые я не люблю.

Он останавливается рядом. Я смотрю перед собой.

— Извини, пожалуйста, я задержался.

Голос кажется смутно знакомым. Хотя, наверное, это галлюцинации. Я мало с кем знакомилась вне спорта.

— Привет. Ничего страшного, я не скучала.

Мужчина наклоняется и клюет меня в щеку. Горячие губы прижимаются к коже и обжигают неожиданностью. В этот момент вся краска мира, будто, устремляется к моему лицу.

Целует он вроде бы по-дружески, но при этом задерживается чуть дольше, чем следовало бы. В нос ударяет запах его туалетной воды — довольно терпкий.

Когда мужчина отстраняется, я поднимаю глаза и застываю. Это же тот самый сумасшедший, который скупил для меня все розы в Эмиратах! Пульс ускоряется. На следующий день я упала и получила травму. Я их не выношу: очень плохие воспоминания из детства. Розы — дурной знак.

Часто моргаю.

Мужчина же улыбается и смотрит так заинтересованно, что щеки продолжает печь. Ему на вид около тридцати. Смуглая кожа, темные волосы. Радужки глаз так и вовсе почти сливаются со зрачками в этом освещении. На контрасте с белой тканью рубашки смотрится довольно эффектно.

— Это тебе. — Он протягивает букет.

— Спасибо. — Я принимаю розы и сразу откладываю на стул подальше.

Лицо так и пылает. Понятия не имею, как быть и реагировать! Он, разумеется, не может знать о моей нелюбви к этим цветам, я еще никому в жизни ее не озвучивала, боясь показаться странной. Но хотелось бы, конечно, чтобы догадался.

Как же его зовут? Александр вроде бы. У него сейчас мегапопулярный стартап.

— Я так рад тебя видеть, — выдает Александр. — Еще раз хочу извиниться за то, что опоздал. Некрасиво вышло. Надеюсь, цветы хоть немного загладят вину. Я правда ждал этот вечер. — Он присаживается за стол.

— Пробки? — подсказываю.

— Да нет, я забыл. Конференция длилась дольше, чем рассчитывал. Хорошо позвонили, что букет готов. — Он улыбается, а я пораженно отвожу глаза в сторону. — Конференция все еще идет, кстати.

Искренность — это, безусловно, замечательно. Но... в таком количестве можно же и захлебнуться!

— Забыли? Обо мне? — невольно улыбаюсь. Испытываю по-настоящему шок.

Вообще-то, еще недавно я была лицом страны. Я не хожу на свидания. Это исключение.

— Много работы, — отмахивается Александр, продолжая меня рассматривать. Всю. Лицо, волосы, руки, даже ногти, покрытые прозрачным лаком. Почему-то жадно, быстро. — Но думаю, ты в курсе, как это — когда живешь мечтой.

На миг опускаю глаза. Потом поднимаю.

— Сейчас у меня работы меньше и график посвободнее, — неловко усмехаюсь.

— Жаль, что с тобой такое случилось. Я почитал о реабилитации с твоей травмой, все будет хорошо. Деньги не проблема. Я решу. У тебя все будет.

Он говорит так, будто мы обо всем договорились. И это пугает.

— Да я... в общем-то... Меня Иванна зовут. Ива. Думаю, нам бы начать со знакомства. А потом уже обещания.

— Я знаю, конечно же, как тебя зовут. — Он берет меню, пробегает глазами. Откладывает. Снова берет, но смотрит на меня. — Я Алекс. Или Раф, так даже привычнее. Друзья еще в школе придумали прозвище по фамилии.

У него есть друзья, вау. С таким характером и напором — достижение прям. Почему-то это смешит, и я улыбаюсь почти искренне.

Раф тем временем говорит серьезно:

— Скажу честно, ты сейчас персона нон грата в моем кругу. Мы недавно получили приз за вклад в спасение планеты. Наш способ выработки энергии дешев и безопасен. А имя девушки, которая на весь мир заявила, что ей не жалко умирающих в муках дельфинов, стало ругательством.

Боже! Леденю.

— Я не так сказала. Совсем не так! Там вопрос был о разливе нефти в океане, ни слова о дельфинах. Мне очень жаль дельфинов. Я была так шокирована травмой, что даже не смотрела новости и ни о чем не знала.

Раф показывает экран телефона. Там крупным шрифтом название той самой скандальной статьи, с которой началась травля. Я отворачиваюсь, и он заявляет:

— Я тебе помогу.

— Как?

— Мы прямо сейчас сделаем крупное пожертвование от твоего имени. — Он вновь смотрит в телефон, палец летает по экрану.

Я немного не успеваю за скоростью происходящего. Паника расшатывает нервы.

— Подожди! — Тянусь и касаюсь руки. Его руки.

Раф тут же поднимает глаза и встречается с моими. Удар сердца длится тишина. Мы слегка ошарашенно смотрим друг на друга. После чего я отстраняюсь и произношу первой:

— Не так быстро, пожалуйста. Ты разбрасываешься деньгами, а что взамен? Я полагаю... мы друг друга не так поняли. Я на первом свидании. И все. Без чего бы то ни было дальше. У меня нога больная. Да и... достоинство имеется.

Он моргает и откладывает мобильный.

— Да, я знаю. Поэтому мы и сидим здесь вдвоем. Мне нужна именно такая, как ты.

У меня небольшой опыт общения с мужчинами, но даже он подсказывает, что все идет не по правилам. Набираюсь смелости и спрашиваю:

— Для чего нужна, Алекс?

Глава 3

На ковре я всегда одна. Друзья, мама, тренеры... все они рядом, буквально в нескольких метрах, но при этом в момент выступления — невообразимо далеко. Играет музыка, и близкие как будто остаются в другой реальности. В этой... есть только гимнастка, ее настрой, воля к победе. Мне нравилось это ощущение — когда все зависит лишь от меня. Любила его.

Сейчас я вообще не понимаю, что происходит. Пытаюсь хоть как-то удержать контроль над ситуацией, но куда там!

Равский смущает вниманием, увлеченностью. Ловит мой взгляд и произносит:

— Ты мне нужна в первую очередь для имиджа.

— А...

Не дав ответить, он тут же продолжает:

— Моя жизнь в данный момент — предмет повышенного интереса, за мной даже стали следить папарацци, поэтому и спутница нужна соответствующая. Яркая, уверенная, способная противостоять давлению и вести себя адекватно. Вы, гимнастки, железные. Во всем идете до конца. Поэтому я и выбираю тебя.

— Спасибо. Эм... польщена.

— Это ирония? — Алекс беззлобно улыбается. — Напрасно. Ты лишилась своей мечты, помощи осуществить мою. Вместе у нас получится.

Вот вам и свидание. Алла Теодоровна упоминала, что богатые гении со странностями. Но, кажется, шкатулочка только открывается.

— Ты предлагаешь заключить... сделку? Вот так сразу? А как же чувства? Я могу тебе... просто не подойти.

Он хмурится, будто вообще не понимает, что я несу. Затем решает, видимо, не обращать на глупости внимания. Через заминку объясняет:

— Вся эта любовная хрень не для меня, да и времени нет. У меня проект, заказчики и жажда заработать. Поэтому мы заключим договор на три года. За это время ты восстановишься, выучишься, выплатишь ипотеку. И, если все пройдет хорошо, я помогу тебе в тренерской карьере. Заманчиво?

— Но тебе ведь будет недостаточно, чтобы я просто носила статус твоей девушки и красовалась с тобой на фото? Иначе это было бы... слишком похоже на сказку. — В моем голосе мелькает такая явная надежда, что сама поражаюсь.

Вот бы это был очередной спонсорский контракт! Я рекламирую Рафа, нахваливаю в прессе шикарного надежного мужика, он в ответ помогает реабилитировать ногу и имя. Это странно, но присутствует логика. В этот момент Равский действительно начинает нравиться. Он симпатичен, обаятелен, умен и успешен. Работать с ним было бы комфортно.

Раф тем временем чуть приподнимает брови и произносит:

— Ты слишком красива.

И пялится. Как жаждущий на воду. Моя бедная душа сжимается в комочек и падает в пустоту.

Всего три слова, но их хватает, чтобы четко осознать: сказки не будет. Этому мужчине нужно большее. Он оторвался от конференции и приехал сюда именно за мной.

Краснею. В тысячный раз за десять минут свидания прячу глаза.

В висках шумит, а уши начинают гореть. Равский спрашивает, понизив голос:

— Ива, ты девственница?

Я вскидываю глаза и ошпариваю засранца возмущением! Нет, это ни в какие ворота! Он полностью серьезен и крайне увлечен беседой. От злости покалывает кожу. Если бы не больная

нога, я бы ушла немедленно! Сейчас, увы, гордо продефилировать не получится, скорее жалко. Лишь поэтому остаюсь на месте.

— Если нет, мой гонорар будет урезан? — парирую, приподняв бровь. — На сколько процентов?

— Не будет. Ты дико смотришь, пытаюсь понять причину. Мы пока просто разговариваем.

— Ты пытаешься купить меня. В открытую!

Он кивает, дескать, и что? Меня же окончательно накрывает! Вместо того чтобы тренироваться, быть в кругу приятных близких людей, я обсуждаю с чужим мужиком свою стоимость. Я его знаю пять минут! Не хочу ни целовать, ни тем более спать с ним. Слезы подкатывают, я моргаю и стараюсь переключиться. Зареветь сейчас явно не в тему. Только не перед ним!

— Эй, — зовет Раф. — Мы просто обсуждаем условия.

— Прости, я не продаюсь.

— Все продаются, главное — указать цену.

У меня открывается рот.

— Все? По-твоему, за деньги можно купить любого?

— Даже чемпионку.

— Боже! Не знаю, это воспитание или ты сам придумал... Но так же нельзя! Знаешь, я бы пожелала тебе пожить какое-то время в бедности и попробовать дружить с людьми. Общаться. По-настоящему. Может быть, и не пришлось бы покупать спутниц: они бы захотели быть с тобой просто так. Бесплатно.

— Никто бы не захотел, — отвечает он тут же, причем абсолютно спокойно.

Фыркаю.

— Ты попробуй, вдруг получится!

— Мне скоро тридцать, я пробовал. — Раф смотрит ровно, хотя взгляд становится напряженнее. — У меня социальная дезадаптация, со мной не уживаются.

Я осекаюсь, смутившись. Это что такое? Болезнь? Больным он не выглядит явно. Скорее, напротив, слишком здоровый, бодрый, богатый и охреневший кобель.

— В каком плане не уживаются? Ты бьешь людей? — Склоняю голову набок.

Он закатывает глаза. Слегка, самую малость улыбается. Как будто бы нервно.

— Нет, но смешно. Я шумный, невнимательный и импульсивный.

— И все? — Я недоуменно моргаю. — Разве не половина парней планеты такие?

Раф улыбается шире, подмигивает.

— Это немало. По крайней мере, раньше, до того, как «СоларЭнерджи» стрельнула, я слышал о себе много всего «хорошего». Сейчас эти девушки мнение изменили. Пишут. — Он показывает телефон. — Все.

— Твои бывшие? Seriously?

— Даже те, кто замужем. — Раф стреляет глазами на мои руки, их словно обжигает теплом. — Поэтому, наверное, купить можно всех. На мой аккаунт в соцсети за месяц после выставки в Эмиратах подписалось около миллиона человек. Личные сообщения трещат, и большинство писем не от коллег. Всех этих шлюх возбуждаю не я, а мой кошелек. И если уж покупать ласку, то у особенной. Ты мне нравишься, Ива. Очень. Я хочу именно тебя.

Температура воздуха резко повышается. Я задерживаю дыхание и застываю под внимательным взглядом.

Шума от Равского, может, не так уж и много, но энергия у него и правда бешеная. Слово «очень» он произносит с большим вкусом. Тело подсказывает: «Беги». Меня натурально знобит. Не представляю, как это — целоваться с Алексом. Не говоря уже о большем.

Зачем-то смотрю на его губы, он опять улыбается.

Вроде бы не выглядит опасным, но кто этих богатых гениев разберет?.. Опять же. Что у него там за красные комнаты в подвале? Спросить неудобно, еще решит, что я соглашаюсь и набиваю цену. Пора уходить. Пожимаю плечами.

Нам приносят блюда, но к приборам никто не притрагивается. Мы продолжаем смотреть друг на друга.

— Спасибо за комплимент. Как ты вообще представляешь такие отношения?

— Жить раздельно. Секретарь будет держать тебя в курсе моего расписания: выставки, конференции, командировки и так далее. Личные встречи буду назначать я сам. Видеться придется так часто, как мне удобно. На мои сообщения и звонки отвечать нужно незамедлительно. И быть готовой приехать. Неважно, тренируешься ты или обедаешь, похороны у тебя или свадьба. Я звоню, и ты моя.

Эм. Его хамство настолько органично, что уже даже не шокирует. При этом потребность послать куда подальше становится нестерпимой.

— О как, — проговариваю я.

— Бонусом мне нужна твоя полная преданность.

— Понятно. Интересная презентация, Алекс. Спасибо за честность. Я оценила.

— Но не согласна? — продолжает он. Берет наконец столовые приборы. — Давай поужинаем. На голодный желудок такие важные решения не принимаются.

Глава 4

— Оладьи или блины? — У мамы излишне веселый голос.

Обычно она так не разговаривает. Даже на записях с моих детских праздников нет столько наигранности, а ведь мне двадцать один, а не четыре. Приветливо улыбаюсь, не желая ее расстраивать. Понимаю, насколько нам всем нелегко.

— Я пас! — Поднимаю руки, сдаваясь. Указываю на стол, где лежит ворох фантиков от конфет и шоколадок. Поглаживаю живот. — Если съем еще хоть что-нибудь сладкое, впаду в сахарную кому.

— Вижу, времени зря не теряла. — Мама шутливо грозит пальцем. Подходит к столу и начинает собирать бумажки. — Отвела душу?

— Да-а, — усмехаюсь и потягиваюсь. — Выполнила пятилетку за день.

— Здорово! Самое время позволить себе то, что раньше было нельзя. О, Ива, а давай сделаем сливочную пасту с красной рыбой, как мы пробовали в том ресторане с Андреевой? Спорю, там в одной ложке миллион калорий, но ведь вкусно! Обалденно. Я сливки возьму пожирнее. Только нужно за продуктами сбегать.

— Я пулей! — вызываюсь в шутку. Затем указываю на ногу и закатываю глаза.

Мама улыбается и присаживается рядом на диван. Мы зачем-то обе смотрим на весы, что пылятся в углу.

— Если не хочешь, я сделаю котлеты на пару из индейки. И потру морковь. Тоже вкусно.

Прыскаю в ладонь. Да-да, я самой себе неприятна последние недели, что уж о других говорить. Унылая девица на выданье. Апатия — жутко противная штука. Причем тяжело всем, и человеку в этом состоянии, и его близким.

— Спасибо, мам. Приготовь, что сама хочешь. Правда. Больше никогда не буду выпендриваться.

Мама фигуристая, и я, видимо, пошла в нее. После пятнадцати лет вес начал резко расти, организм стремился к женственности. Приходилось прилагать огромные усилия, чтобы при росте сто семьдесят сантиметров удерживать себя в пределах сорока четырех килограммов.

Тысячи раз мы ругались с мамой по поводу готовки! Сколько бы я ни просила, она упорно жарила котлеты на сливочном масле, а супы варила такие густые, что ложка стояла. Когда-то эти проблемы казались суперважными.

Мама обнимает одной рукой, я закрываю глаза. Зажмуриваюсь. Действительно тошнит от количества сладкого, что запихала в себя зачем-то. Включается чувство вины, из-за чего становится еще хуже. Я тяжело вздыхаю и тоже обнимаю маму. Она чудесная, столько для меня сделала! И точно не заслужила вот так нянькаться со взрослой дочерью.

— Мам, ты можешь поехать к Сергею или пригласить его на ужин. Я совсем не против. Все равно хотела лечь пораньше, — говорю ободряюще.

Сергей работает начальником охраны в той же клинике, что и мама. Так они и познакомились восемь месяцев назад.

— В другой раз. Расскажи лучше, как прошло вчерашнее свидание? — Мама слегка толкает локтем. — Слова «норм», «пойдет» и жим-жим плечами не принимаются.

Улыбаюсь.

— Тогда я в тупике. — Меняю положение и вытягиваю ногу. — Поужинали, поболтали. Он... симпатичный, но совсем не в моем вкусе. Разные взгляды на будущее. Поэтому мы провели вместе время и разошлись в разные стороны.

Я сказала Равскому «нет». Четко, резко и абсолютно категорично. Пока шум аплодисментов еще звучит в ушах, я не буду бегать за мужиками по щелчку пальцев.

Встала из-за стола и отказалась от помощи. Гордо проковыляла до гардероба, потом ждала такси на улице. Алекс позвонил, когда подъезжала к дому. Спросил, все ли в порядке. Это было, наверное, приятно, но ровным счетом ничего не изменило. Я злилась. Жутко злилась на себя из-за того, что оказалась в этой тупой ситуации, и буркнула в ответ что-то скучное! Вышла из такси кое-как, дохромала до мусорного бака и выбросила туда цветы.

Когда повернулась в сторону подъезда, увидела в нескольких метрах черную теслу. Алекс сидел на заднем сиденье, окно было открыто. Он смотрел на меня. Так же, как и его водитель.

Сердце покрылось льдом, рухнуло на асфальт и рассыпалось в крошку. Машина вдарилась по газам и пафосно скрылась за поворотом. Я почувствовала себя последней гадиной. Вот зачем он следил за мной?! Мы с мамой ненавидим розы, я не могла принести их домой! Но при этом честно терпела запах в такси, чтобы не обидеть Рафа.

Стыд сжал горло. Ответом ему стал гнев! Сильный, жгучий, неконтролируемый. Я понимала, Равский не виноват в том, что через месяц не я поеду на Игры. Не Алекс оставил меня без спонсоров и дохода. Он попытался помочь. В конце концов, угостил ужином!

Но очередная ошибка стала фатальной. Она размазала бывшую чемпионку по стеночке. Мне нужна была хоть какая-нибудь победа, хотя бы самая крошечная! Вместо этого провал за провалом.

Я открыла приложение и перевела примерную половину стоимости ужина на привязанную к номеру Алекса карту. Не нужно меня кормить, я поступила плохо. После чего наконец разрыдалась.

Мама внимательно смотрит на мое лицо, чуть повышает голос:

— А кто в твоём вкусе, Ива? Спорт? Обруч? За булавы не выйдешь замуж.

— Может, я буду первой.

Весь понедельник провожу в поликлинике. Очереди, снимки, беседы с врачами. Бесконечный замкнутый круг. Частную клинику я больше не могу себе позволить, но реабилитация положена по полису. Правда, чтобы ее получить, нужно обойти миллион врачей и двести раз подняться и спуститься по лестнице.

К вечеру голова и нога гудят так, что впору купить еще одну тонну конфет, заточить их под одеялом, а затем ненавидеть себя за слабость.

Что я и собираюсь сделать, когда звонит Андреева и велит срочно приехать к ней. Тушу юсь сильнее, чем обычно. Свидание стало катастрофой. Равский, наверное, наябедничал на меня из-за отвратительного поведения, и теперь ждет та еще взбучка.

Но делать нечего, слушаюсь.

Нажав на кнопку звонка, едва ли не дрожу от страха, но опасения оказываются напрасными: в светлой просторной квартире меня встречают не только пушистый Стинг и тренер, но и Лена с Таней! Сюрприз настолько приятный, что едва не прыгаю с костылем на месте!

Два часа мы пьем чай четвером, обсуждая соревнования, общих знакомых, ближайшие планы. Я почти чувствую себя частью прошлой любимой жизни.

— Как ты? — спрашивают девочки. — Говорят, сейчас очереди в больницах безумные.

— Нет, нормально, — улыбаюсь, боясь показать свою жизнь еще более бессмысленной.

— Все очень достойно. И подход хороший.

Тренер смотрит внимательно, но я остаюсь непроницаемой. Не рассказывать же, как наслушалась в очереди от всех, кто узнал: «Ну что, допрыгалась? Спорт — это не про здоровье, на всю жизнь останешься инвалидом! И стоило оно того?» Или, может, рассказать забавный случай, как подошла моя очередь к кардиологу, но пока я встала с костылем, шустрая мамочка с сыном опередили и юркнули в кабинет. Все бы ничего, но сын был старше меня в два раза.

Людей я не виню: любой, даже самый добрый гражданин, посидев полтора часа в душном коридоре у кабинета врача, начинает вести себя неадекватно. Наверное.

А я — да, видимо, допрыгалась, раз эти события сейчас — самые важные в жизни.

— Ты будешь завтра на фотосессии и вечеринке? — спрашивает Лена.

Таня осекает ее взглядом, но та продолжает:

— Ну а что? Она должна знать.

— О чем? — подхватываю. Смотрю на Аллу Теодоровну, она пожимает плечами.

— Должна, конечно. Твой бывший спонсор «Линкс» заключает договор с нашей Лизой.

Они уже на стадии подписания. Ива, эту новость нужно принять спокойно. Одни возможности уходят, другие появляются.

— Быстро они, — улыбаюсь широко. — Да, я в порядке. Рада за нее.

— Это хорошо. Потому что ты пойдешь завтра на фотосессию с высоко поднятой головой и будешь так же всем улыбаться. Десятки девчонок приедут, чтобы повидаться с тобой, и нужно быть во всеоружии.

— Моя нога их не испугает? Не хотелось бы никого шокировать.

— А что бы ты подумала, если бы твой кумир, даже будучи травмированным, вместо того чтобы запереться дома и жалеть себя, поглощая глютенковые булочки, приехал на праздник и отлично провел время?

Понимаю, к чему она это.

— Что она умница.

— Ну вот, — кивает Андреева и поднимается из-за стола, показывая, что чаепитие окончено. — Будь умницей.

Фотосессия затягивается.

Презентация новой коллекции бренда «Линкс» проходит в шикарной гостинице, где сняли сразу несколько помещений и ресторан. Здесь, как всегда, шумно, громко. Девочки выступают, я поддерживаю из зала. Когда подходит время памятных снимков, Лиза встает у плакатов, а я аккуратно, вдоль стеночки продвигаюсь в сторону выхода.

Бормочу себе под нос: «Это ее минута славы, моя закончилась. Зависть — плохая штука. Пойду зато поем какой-нибудь вкуснятины, пусть она мне завидует!» Но, когда до цели остается всего треть пути, ко мне устремляется целая толпа девочек!

— Ива, Иванна Ершова! Вон она! Можно снимок? Пожалуйста!

Поначалу теряюсь и не понимаю, что происходит. Последние недели были, мягко говоря, так себе. Я думала, обо мне все позабыли, и поделом. Одна звезда потухла, загорелись новые. Но нет, не тут-то было. Малышка лет семи даже доверительно шепчет на ухо:

— Мне тоже не нравятся дельфины. Все думают, что они добрые, но на самом деле они часто утаскивают людей в открытое море.

Я вопросительно приподнимаю брови, она хмурится и кивает. Мама девочки, стоящая поблизости, повторяет жест, дескать, мы с вами. Эм... ла-адно. Хотя... ну, окей. Я смотрю, народ подготовился.

— Спасибо, — силюсь улыбнуться.

Подписываю булавки, обнимаюсь, позирую с будущими чемпионками. Слушаю комплименты, от которых невольно розовею.

Народу становится все больше. Диджей включает громкую современную музыку.

В какой-то момент мы с Леной и Таней отходим к фуршетному столу, делимся впечатлениями. Я стараюсь при каждой возможности отставить костыль и держать спину прямо.

— Смотри, Лиза уже с кем-то знакомится. Шустрая! Везде найдет, под кого расстелиться, — саркастически подмечает Лена. — И бренд ее, и мужики.

Два года назад Лиза переспала с парнем Лены. Это была тяжелая и крайне неприятная история, конфликт едва смогли загасить, когда вмешались тренеры. Но осадок остался.

Я прослеживаю взгляд и вижу, что Лиза стоит в другом конце зала, держит стакан с соком и что-то говорит высокому темноволосому мужчине.

Тело как-то само напрягается, а пальцы впиваются в бутылку с водой. Узнаю собеседника мгновенно. Буквально несколько дней назад мы обсуждали с ним мою девственность.

Накатывает раздражение. И дело не в том, что он разговаривает с Лизой, возможно, на те же самые темы. Я просто не хочу его больше видеть.

— А чего не успеть? Фотографироваться с ней никто не хочет. Красивая мордашка не залог успеха, девчонки это понимают. Программа у нее откровенно слабая. А я, кстати, знаю этого парня, — говорит Таня. Она интересуется наукой и часто ошарашивает нас какими-нибудь открытиями. — Это Алекс Равский. Чуть левее — Вячеслав Комаров, Артур Савченко и Борис Воеводин. Они учредители...

— «СоларЭнерджи», — подсказываю я. Потом добавляю: — Читала об этой фирме. — Не хочется никому рассказывать о предложении Рафа, поэтому немного лукавлю.

— Респект! — бросает Таня. — Андреева упоминала, что они, вероятно, наши будущие спонсоры. Интересные ребята, конечно. Из ничего создали компанию, да к тому же настолько успешную. Многие пророчат им быстрый взлет и такое же скорое падение. Но я, например, верю в успех.

— А этот Алекс, кстати, симпатичный, — включается Лена. — Интересно, он женат?

— Был давно, по глупости. Я читала в соцсетях. Уже лет пять как в разводе.

Алекс вскидывает глаза, и в этот момент мы втроем понимаем, что спалились с наблюдением! Синхронно отворачиваемся в разные стороны.

— Он заметил? — хихикают девочки. — Надо быть аккуратнее!

Осторожно поднимаю голову и вижу, что да, заметил. Смотрит. Долго. Вот только больше, как в пятницу, не улыбается.

Руки густо покрываются гусиной кожей, я их неловко потираю.

Глава 5

В другой ситуации я бы подошла к Алексу и поздоровалась первой. Необязательно оставаться на разговор, спрашивать о делах или что-то в этом роде. Можно ведь отдать дань вежливости и просто сказать: «Привет, хорошего дня!» Если ответит доброжелательно — извиниться, что так вышло с цветами.

Поразительно, какой свободой я обладала, когда ходила без костылей! Можно было бы направиться в его сторону, затем передумать и легко скорректировать маршрут. Сейчас же мои передвижения успеют заметить все. Вдруг Равский отвернется?

Жуть пробирает, как глупо я буду выглядеть!

Стреляю глазами в сторону мужчин: что-то обсуждают взахлеб. Алекс самый высокий, под метр девяносто, чуть худощавый. Темные, жесткие на вид волосы чуть выются. Он стоит спиной, и не видно его мимику. Но по движению плеч понятно, что довольно расслаблен.

Я же от факта его присутствия накручиваю себя все сильнее. Совесть трактором вспахивает нервную систему. Впервые я думаю о том, что мой жест — оплатить половину счета — мог показаться еще более оскорбительным, чем выброшенные цветы. Дескать, мне от тебя ничего не нужно. Совсем. Хотя я иное имела в виду.

Какой ужас! Равский, должно быть, думает, что я просто хамка!

Девочки уходят готовиться к новой фотосессии с предметами. Меня тоже приглашают, но очевидно, что из жалости. Вдобавок нога дает о себе знать, поэтому отказываюсь и присаживаюсь на стул.

Молча наблюдаю за тем, как Лиза принимает эффектные позы перед фотографом. Давление на затылок возрастает, сжимаю зубы крепче. Я бы сделала не так. Чуть вытягиваю одну руку, делаю движение второй.

Сама не замечаю, как позирую... Но замечает одна из подруг Лизы. Она показывает пальцем и смеется. Все оборачиваются и пялятся на меня.

В груди взрывается. Я резко опускаю руки. Краска ударяет в лицо. Смотрят все — тренеры, фотографы, менеджеры, гости. Даже Лиза!

На глаза наворачиваются слезы, чертят по щекам дорожки. Вспышки камер ослепляют, отчего слез еще больше. Фотограф кричит, просит повторить, но я не соглашаюсь. Тушуюсь.

Сломанная кукла тоскует о былом величии, ей не следовало приходиться сегодня.

Оглядываюсь по сторонам в поисках своих девчонок, но их нигде нет. Зато вижу Алекса. Он так и стоит у дальнего стола с бокалом шампанского.

Наши глаза встречаются, и на этот раз я не отвожу свои.

Да пофиг уже!

Равский по-прежнему серьезен, кивает в знак приветствия. Смущенно улыбаюсь в ответ и тоже киваю.

Мы удерживаем зрительный контакт несколько ударов сердца. Алекс говорит пару слов друзьям и через весь зал идет в мою сторону.

В душе неожиданно разливается тепло от благодарности, что я испытываю. Одной сейчас просто невыносимо.

— Привет, — говорит он, протягивая бокал. Оглядывается в поисках стула, но не находит.

Встать бы тоже, но тогда нужно тянуться к костылю, а я уже принимаю фужер.

— Это твой же.

— Я не притрагивался.

— Не пьешь? Я думала, у тебя есть водитель и ты можешь себе позволить.

— Да, есть. Но я ему не доверяю.

Улыбаюсь широко. Алекс такой странный! Это занимательно. Краем глаза слежу за тем, как Лиза подкидывает мяч, неловко ловит. Делаю усилие, чтобы не прикрыть ладонью лицо. Она может лучше, сейчас нервничает, это понятно. Но если сбоят на обычной фотосессии, что она собралась делать на Играх?

Запиваю боль алкоголем. Равский, как и любой далекий от гимнастики человек, не замечает ошибок, он мажет по Лизе взглядом и возвращается ко мне.

Не слишком удачная позиция: я сижу, а он стоит и смотрит сверху вниз.

— Показательный бёрн-аут у твоего подъезда был эффектным, но лишним, — говорит Алекс. — Обычно я так не делаю. Хочу извиниться за эту сцену.

Пузырьки попадают в нос, его щиплет, и я тру кончик. Он имеет в виду шлифование на месте и резкий старт, наверное.

— О. Не извиняйся, я понимаю. Это ты меня прости, что так вышло с розами. У мамы аллергия, я не могла принести цветы домой. И мне... просто некуда было их деть.

Лгу безбожно, но что уж поделаешь. Брови Алекса ползут вверх, и меня уже не остановить. Мы, спортсмены, во всем идем до конца:

— Она сразу начинает чесаться и может задохнуться.

Какая чушь! Алекс моргает.

— Понял. Только на розы?

Щеки вспыхивают, остатки слез испаряются моментально, как вода с раскаленной сковородки. Он спрашивает... как будто хочет что-то еще мне подарить?

— Да, только на них. Особенно на красные. Я тоже не люблю эти цветы. И мне жаль, что так вышло. Вот. Честно, жаль. Хотела написать тебе, но не нашла слов.

Облегчение, которое я испытываю, становится колоссальным! Как же хорошо, что у нас есть рот и мы можем с его помощью разговаривать.

Алекс приседает и смотрит теперь снизу вверх. По-прежнему серьезен, взгляд прямой, и становится не по себе от внимания. Но при этом не хочется, чтобы оно заканчивалось. В эти минуты мне жизненно необходимо внимание. Любое.

Уголок его губ дергается.

— Ива, поехали отсюда.

— Сейчас? — Приподнимаю брови.

— Как допьешь шампанское.

Он все еще сидит на корточках, будто у моих ног. На нас поглядывают, из-за чего пульс ускоряется. Возможно, кто-то сделает пару фотографий.

— Я хотела поддержать подруг, — пожимаю плечами. — Для этого и приехала.

Лиза как раз оставляет пост, и ее место занимает Лена. Принимает идеально верную позицию и обольстительно улыбается.

— Они так уж нуждаются в поддержке? — спрашивает Равский. Не отрывает глаз от меня. — Или ты просто любишь себя помучить?

— Что? Нет. Просто моя семья здесь, и я не представляю, где еще могу находиться.

— Где угодно.

На сотовый приходит уведомление: меня отметили на фотографии. Машинально снимаю блокировку, смотрю: «Бывшая звезда художественной гимнастики Ива Ершова расплакалась на фотосессии. Бедняжка!» Отметила меня Лиза, написав под постом: «Ива, мы все равно тебя любим!»

Качаю головой. На меня снова все смотрят с сочувствием и жалостью. Это хорошие и естественные эмоции добрых людей, но вытерпеть их невозможно. Я прижимаю руку к груди, чтобы хоть немного унять сердцебиение. Зачем я приехала? Какая дурочка.

Осушаю бокал залпом, закрываю губы ладонью и отдаю его Алексу.

— Отлично, — хвалит он. — Поехали.

— Но куда?

— Попробуем поместить тебя в какое-нибудь другое место и посмотрим, что из этого получится.

Алекс помогает встать на ноги. Поворачивается спиной и слегка приседает. Улыбаюсь и, кажется, схожу с ума. Потому что обхватываю его за шею. На руки бы ни за что не позволила себя взять, а так... ситуация походит на дружескую акцию. Он берет мой костыль и бодро несет нас к выходу.

Шампанское кружит голову, я вдыхаю терпкий аромат туалетной воды Равского и тихо посмеиваюсь. Посты о том, что известный бизнесмен украл Ершову с фотосессии, намного веселее, чем фотографии рыдающей гимнастки.

Его машина стоит на парковке буквально в двух шагах от центрального входа. Новая черная тесла, разумеется. Идеально чистая. Блестящая в густых лучах летнего солнца.

— Твое стремление защитить планету восхищает! — говорю я наигранно пылко, когда Алекс опускает меня на ноги и надевает темные очки.

— Это исключительно для имиджа.

— Эй! Не оправдывайся!

— У меня дома за диваном норковая шуба спрятана, — вторит он, и я смеюсь в голос.

— Не верю!

— Хочешь, покажу?

Мешкаю. Еще немного, и я окажусь на его диване, может быть, в шубе, но без белья. Пора бы притормозить.

Алекс тем временем подходит к пассажирской двери, дергает за ручку, потом стучится. Еще раз. И еще. Ругается сквозь зубы, берет мобильный и звонит.

— Да, я здесь, — выдает с налетом раздражения. — Открой, пожалуйста.

Оказывается, в салоне есть водитель, который наконец открывает нам двери.

— Погоди-ка минуту, — говорит мне Алекс, обходит теслу и стучится в водительское окно. — Коль, выйди, пожалуйста.

— Зачем? Вообще, рано ты. До пяти же вечеринка.

Равский хмурится.

— В глаза посмотри. Коль... что со зрачками?

— Да все нормально, я спал просто! — На улицу выходит парень лет тридцати. Светлые волосы, сутулые плечи. Приятный на лицо, с небольшим, но бросающимся в глаза животом. — Алекс, не начинай, а? — Водитель потягивается, зевает. Поворачивается ко мне и улыбается: — Здрасьте.

— Привет!

Думаю, водитель у Алекса один и он тоже видел, как я выбрасываю розы. Смотрит теперь с явной насмешкой. Неудобненько, с одной стороны, а с другой... У Равского весь персонал такой борзый?

Алекс по-прежнему хмурится, скрещивает руки.

— Что? — разводит свои Николай. Меняется в лице, не то паникует, не то злится. — Ну поехали в клинику, раз такие предьявы! Либо едем, либо прекращай.

Он бросает на меня раздраженный взгляд, затем сует ладони в карманы и, понизив голос, проговаривает с мольбой:

— Отвезу вас куда нужно. Доставлю в лучшем виде. Я нормально работаю. Слышишь? Нормально!

— Ладно, показалось, наверное. Это от недосыпа. Я дальше сам, на сегодня ты свободен. Николай вновь бросает взгляд в мою сторону.

— Ну как хотите. До метро добросишь?

— Не-а.

— Супер! Сначала оскорбили при девушке, а теперь еще и ищи, Коля, остановку сам!

Неудобно, что я невольно стала свидетельницей не то чтобы ссоры — скорее напряженного разговора, который явно не для моих ушей. Не нахожу ничего лучше, чем юркнуть в машину и, заняв место рядом с водительским, уткнуться в мобильный. В нашем чате на троих уже куча сообщений! Я быстро пишу, что очень устала, и Алекс предложил отвезти домой.

Вскоре Равский садится за руль, включает панель.

— Это мой родственник, двоюродный брат, — торопливо объясняет. — Обещал его матери, что помогу с работой. У него были проблемы с алкоголем, и мне теперь все время чудится, что он бухой.

— Кажется, он обиделся.

— Да? Я ведь просто спросил.

Алекс пожимает плечами. Выглядит слегка напряженным. Выкручивает руль, и машина трогается. Я пристегиваюсь. Нам обоим неловко. Это вроде как второе свидание, я не должна была попасть на разборку братьев. Алекс молчит, хочется успокоить, что ничего страшного. В своей жизни я видела много ссор и жесточе. Но если начну, то как раз сделаю акцент на ситуации.

В итоге целую минуту мы едем в тишине, затем Алекс произносит:

— Николай пока на испытательном сроке.

— Если не пройдет его, как ты уволишь брата? Не случится конфликта?

— Хороший вопрос, Ива. Где ты была со своим дельным замечанием две недели назад?

— Равский стреляет в меня глазами и усмехается, тем самым разряжая обстановку.

Я же смотрю на стремительно удаляющуюся гостиницу, где осталась вся моя семья, частью которой я перестаю являться. Саркастически отвечаю:

— Полагаю, две недели назад я была в слезах.

Алекс хмыкает:

— Хватит плакать. Поехали лучше развлечемся.

Глава 6

Излишняя мужская инициативность всегда вызывала во мне чувство неловкости. Я предпочитаю дистанцию и такт. Интеллектуальный флирт, чуть прохладное общение. Наглые же, ошалелые от спермотоксикоза мачомэны, пытающиеся любым способом залезть под юбку, — всегда лишь бесили. Меня никогда не интересовал пьяный секс в клубе, я не смеялась над пошлыми анекдотами.

— А еще я впервые нахожусь на свидании не со спортсменом. — Эту фразу говорю уже вслух. — Непривычно.

— Что именно? — уточняет Алекс.

Мы уже час катаемся по городу, слушая музыку. Он ведет машину спокойно и уверенно. Никого не подрезает и не ругается. Но расслабиться не удается.

— Постоянно тянет начать обсуждать питание и тренировки, но останавливает страх показаться скучной. Что еще сказать, даже и не знаю. От этого паника усиливается втрое. В общем, еще час, и я просто умру от ужаса! — всплескиваю руками.

Алекс улыбается:

— Ты не можешь показаться скучной.

— Ты меня совсем не знаешь.

— Зато я знаю себя и то, что меня мотивирует. Новое. Ты — вся новая, поэтому интересная. Но вижу, ты устала... — Он кивает на мою бедную ногу, которая и правда неприятно пульсирует. Я об этом не думала, пока Алекс не сделал акцент. — Поэтому говорю прямо: поехали ко мне?

— Мерить шубу? — неловко отшучиваюсь.

Листаю в соцсети новые фотографии, на которых нас обоих отметили. В чем-то Раф прав: наши отношения были бы отличной рекламой и мне, и ему. С виду красивая пара, что внутри — каждый додумает сам.

— Я снимаю однушку в Сити, оттуда открывается красивый вид, — продолжает он безэмоционально заманивать. — Ради него и снимаю, в общем-то. В остальном квартира не стоит того.

Представляю себя у него дома, и в груди все сжимается. Не от трепета и предвкушения. Алекс мне по-прежнему не нравится. Скорее дезориентирует перспектива. Я думаю о шаге, который легко могу совершить, о последствиях, которые будут, наверное, по плечу. Что Раф сделает страшного? Займется со мной сексом? Не убьет же, в конце концов.

Андреева считает, что стоит к нему присмотреться. Мама уверена, что пора больше внимания уделять парням. Девочки закончили фотосессию и едут домой, чтобы успеть вечером потренироваться.

Бросаю взгляд в сторону Алекса. Высокий он все-таки. Заметно даже сейчас. Плечи широкие, пальцы длинные. Беззвучно барабанит мизинцем по рулю, будто нервничает, и это кажется милым.

Самое страшное я уже пережила, остальное — мелочи. Больше всего на свете не хочется сейчас снова остаться одной, поэтому произношу вслух:

— Поехали.

В его квартире мало мебели.

Одна большая комната в бело-серых тонах, которая и кухня, и гостиная одновременно. Посередине стоит фиолетовый диван, напротив — плазма. Огромные окна в пол. Много зелени в горшках. Доска, исписанная мелом. Еще одна доска со стикерами. На рабочем столе два

монитора и две клавиатуры. Также я замечаю ноутбук на барной стойке. Рядом с ним — чашка с недопитым кофе, которую Алекс первым делом убирает в раковину.

Меня слегка потряхивает, когда присаживаюсь на диван. Вытягиваю ногу.

Алекс гремит посудой, хлопает дверцей холодильника. Откупоривает бутылку шампанского. Я не просила, это его инициатива. Все звуки кажутся неприятно громкими и значительными.

Сердце колотится где-то в районе горла, я никак не могу успокоиться, сильно хочется плакать от эмоций и общего состояния.

Он ставит на стол поднос с закусками, два бокала с шампанским. Кофемашина громко гудит, пока варит кофе. Едва она замолкает, я говорю:

— Математика — это язык, на котором написана книга природы, — прокашливаюсь и добавляю: — Галилео Галилей, шестнадцатый век нашей эры.

— Вау, — восхищается Раф.

Присаживается рядом, делает глоток черного напитка из прозрачной чашки, борется с зевотой. Я тут же зеркалю, прикрывая рот ладонью.

— Не обольщайся, это все, что осталось в памяти из школьного курса математики. Так что сразу срежь процентов восемьдесят тем для разговора.

Он низко смеется, подхватывает:

— Ты знаешь, что Галилей и Шекспир родились в один год?

— Правда? Ого! Теперь ты должен заявить, будто это все, что ты запомнил из школьного курса литературы.

Он качает головой, опускает глаза и вновь улыбается. Его нога дергается, словно отбивая какой-то ритм, у меня так бывает, когда очень сильно волнуюсь. Например, перед важными соревнованиями или любой тренировкой, на которой присутствует Андреева. Тело ходунном ходит, живет своей жизнью.

Раф замечает мой взгляд и прекращает, а меня бросает в пот. Неужели он правда так сильно нервничает? Былое величие прокатывается по коже, я даже плечи расправляю от удовольствия.

У Алекса красивые глаза и густые черные ресницы. Он протягивает бокал, мы чокаемся.

— За тебя, — говорит. Смотрит, пока я не начинаю улыбаться, опять разволновавшись. — И за твою гордость, от которой я в восторге.

— Она кровоточит весь день, Алекс, — объясняю причину, по которой нахожусь здесь.

Он делает глоток и внимательно следит за тем, как я почти залпом осушаю бокал.

Эйфория не заставляет себя ждать. Раф наливает еще, и я откидываюсь на мягкую спинку дивана. Алекс делает движение, будто хочет погладить мою ногу, но осекается. Платье заметно задралось, оголив бедра. Я это вижу, но не одергиваю ткань вниз. Он тоже видит.

Садится ближе. Кровь в венах нагревается, шампанское — отличное топливо для глупости, толкающей на опрометчивые поступки. Я не совершала их раньше. Ни единого. Будущие чемпионы не могут позволить себе легкомыслие.

Будущие чемпионы сейчас в общежитии.

— Можно еще шампанского?

— Конечно. Я не пью, у меня в час ночи созвон с Сиднеем. У них будет восемь. Но ты не отказывай себе.

— Так по какому часовому поясу ты живешь? — болтаю просто так. Делаю еще несколько глотков.

— Кажется, блин, по обоим, — Раф округляет глаза.

Берет сотовый, листает там что-то. Пока жду, допиваю шампанское. Доза ошеломительно огромная для меня непривыкшей. Становится очень легко и весело! Алекс двигается еще ближе. Показывает экран мобильного.

Там фотографии. Много! Как мы уходим с вечеринки, как я сажусь в его машину. Читаю вслух заголовки:

— «Предприниматель Александр Равский отпустил водителя и увез в неизвестном направлении красавицу Иву Ершову».

— К себе домой увез, — поправляет он.

— И до созвона с Сиднеем еще есть немного времени.

— Точно.

Он забирает бокал, слегка коснувшись моей ладони пальцами. Убирает его на стол. Озорные пузырьки так и щиплют нос, но улыбаться больше не получается. Вместо этого сердце сжимается все быстрее. Я никогда не проводила так много времени с парнями-неспортсменами. Они однозначно другие.

— Я тебя сфотографирую? — спрашивает Алекс будто сипло.

Сглатываю и пожимаю плечами:

— Давай.

Он щелкает на телефон.

— Покажи! — прошу, вновь смутившись.

Слушается. Мы вместе смотрим на экран и молчим пару секунд. Я получилась лучше, чем рассчитывала. Намного лучше. Как у него это вышло? Киваю, разрешая оставить. Алекс поворачивается ко мне. А дальше попавшее в кровь шампанское ударяет в голову. Эйфория крепко обнимает теплыми колючими рукавицами. Я охотно отдаюсь ей, потому что впервые за последние четыре месяца чувствую снижение тревоги. Только бы это ощущение не заканчивалось.

Закрываю глаза и расслабляю рот. Хочется быть нужной, особенной, продолжать что-то чувствовать.

Его губы — твердые и осторожные. В момент первого прикосновения сердце выпрыгивает из груди, и я крепко зажмуриваюсь.

Понимала, что так будет, когда соглашалась ехать, но все же пугаюсь и вздрагиваю. Алекс немного ждет, затем повторяет движение ртом. Еще раз. Дыхание обжигает кожу. Он нависает и пробует, а мне кажется, будто его мучает жажда.

Поцелуй сухой, словно Раф неделю ходил по пустыне в одиночестве. Он собирает влагу с моих губ, я тут же их смачиваю, и он вновь ее забирает. Теперь поцелуй нежнее. Это похоже на игру, мы опять целуемся, Алекс — только губами, а я с участием языка. Которым касаюсь его рта, увлажняю наш контакт, смягчая его. Делая приятнее.

Как бы там ни было... забыться. Расслабиться и не думать. Пусть так.

Робко обнимаю Алекса за шею, провожу по волосам на затылке... Обалдеть, какие они жесткие! Раф обнимает в ответ и углубляет поцелуй.

От смеси стыда, шока и удовольствия я окончательно хмелею. Его язык, который прежде оставался невоображаемым, бесцеремонно проникает в мой рот, вкус слюны оказывается последней каплей. Я вцепляюсь Рафу в плечи. Не хочу, чтобы он останавливался. Приехала делать глупости, сумасшедшая.

Наши языки сплетаются, и пульс тарбанит. Алекс прерывает поцелуй, ведет губами по моей щеке, задевает мочку уха. Я сжимаю ткань его рубашки, впинаясь пальцами в кожу. Он тут же возвращается ко рту, а дальше... целует по-взрослому. Его язык облизывает мой, запаха и вкуса становится много. Очень. Захлебнуться этим всем можно.

Сердце бешено гоняет кровь, та разносит алкоголь, смятение и жажду к каждой клеточке. По телу дрожь — незнакомая, сильная. Мыслей не остается. А поцелуи — все более глубокие. Дыхание частое. Прикосновения пальцев к плечам и спине нетерпеливые, но пока неуверенные.

И лишь один стыд, как громкая сирена внутри, ни на мгновение не затыкается. Как потом объяснять себе этот поступок?! Как? Господи! Этот парень мне даже не нравится!

Раф отрывается, в этот момент я впервые вижу в его глазах тот гремучий коктейль, который никогда не забуду: искрящаяся смесь интеллекта и безумия. Тело простреливает током, оно отвечает на сильную жажду находящегося рядом мужчины.

Стыд становится едкой приправой к удовольствию, делая его запретным. Равский шумно вздыхает и прижимается ртом к моей шее.

Глава 7

Ощущения новые и потому ошеломительные. Они, наверное, сродни наркотику, потому что вызывают мгновенное привыкание. Дофамин шпарит в кровь тоннами, я откровенно задыхаюсь, когда Раф... всего лишь целует шею.

Сминает грудь через платье. В ответ я робко обнимаю его, царапаю затылок. Происходящие и пугает, и одновременно нравится.

Все они хотели, чтобы я была с ним. Пожалуйста. Проданная сломанная кукла. Разбегаюсь и прыгаю в пропасть назло всему миру. Слушаюсь, хотя нутро противится такому удовольствию.

Наши губы вновь встречаются. Я отзываюсь на ласки языком, которые становятся все увереннее. Раф быстро расстегивает пуговицы на рубашке. Сердце бахает.

— Давай аккуратно тебя подвинем, — предлагает он, — чтобы ногу не потревожить.

— Я в порядке. — Сама перекатываюсь на бок, уступая ему половину дивана.

— Продолжим?

— Да. Конечно, — выдыхаю.

Все происходит быстро, почти не успеваю за событиями. Едва Алекс ложится рядом, тут же крепко обнимает. Он везде! Всюду! Я ощущаю запах, пропитываюсь им.

Мы целуемся так много, что с непривычки лицевые мышцы сводит, но отказаться нет ни сил, ни желания. Его ладонь на моей талии. Неспешные и техничные поглаживания по спине. Затем вниз, до бедра. Через ткань платья. Раф ведет по здоровой правой ноге и закидывает ее на себя. Направляет мою руку себе на спину, под рубашку. У него горячая гладкая кожа с крошечными капельками пота. Он невероятно хорош на ощупь. И я не отказываю в нежности.

Его губы... они так много меня касаются. Без остановки. Это дезориентирует, я впадаю в какое-то странное состояние.

Мы оба вдруг становимся сверхтактильными. Льем друг к другу, любую ласку Раф мгновенно поощряет ответной, не давая и шанса воспротивиться. Хочется близости. Еще. Больше. Приятнее.

Его ладонь проникает под платье и ведет выше.

Вот он касается белья, оттягивает его пальцами. Я в панике. Задыхаюсь, но не решаюсь прервать. Платье словно становится маленьким, тесным.

Раф прерывает поцелуй и спрашивает:

— Так... девственница?

Голос звучит максимально интимно, но я все равно растерянно застываю. Сложно говорить с Алексом о сексе. Даже сейчас, в момент, когда пьяная позволяю себя лапать на его диване. Дышу через раз, щеки пылают.

Он быстро добавляет еще тише:

— Мне нужно знать, чтобы понять, как дальше. Я от тебя без ума в любом случае.

Прижимается к губам, опять целует-целует, доводя до дрожи. А мне так нравится его трогать! Просто трогать этого взрослого мужчину — касаться, гладить. И ощущать, как реагирует. Как прижимает к себе. Большой, сильный, но при этом осторожный.

В его глазах похоть и тепло. Что ж, Андреева ведь этого хотела, когда наряжала меня и отправляла на свидание?

Я киваю. Раф вновь целует.

— Мне так и сказали.

Вспыхиваю. Глаза жжет.

— Я хочу тебя, — говорит он. — Продолжим?

И опять киваю. Понимаю, что зря, что в действительности не хочу этого. Я не влюблена и мечтала бы быть в другом месте. Он обсуждал секс со мной с посторонними людьми, он его планировал сильно заранее. Но то ли алкоголь, то ли апатия... я просто молчу, не сопротивляясь.

Алекс встает и поднимает меня на руки. Прижимает к себе — будто бережно. Несет в комнату, ее дверь до этого была закрыта.

Там спальня. Небольшая комната с гардеробной. Внушительная двухместная кровать не заправлена. Простыни темно-коричневые. Во всю стену окна, за которыми только начинает темнеть.

Раф бережно укладывает меня на матрас. Мягко, удобно, хорошо здесь.

— Простыни вчера менял, — успокаивает.

Я быстро улыбаюсь, он тоже. Опускаются жалюзи, становится значительно темнее, и Алекс вновь рвется ко мне.

Целует-ласкает, пьет будто бы. Я закрываю глаза, не поспевая за ним. Лишь жалобно всхлипываю. Он достает из тумбочки тюбик, выдавливает гель на пальцы. Я медленно, под аккомпанемент рваного дыхания, поднимаю подол до пупа, демонстрируя розовое белье.

Лихорадит. Безумие.

Смазка прохладная, а я сама капец какая горячая. Контраст ошеломляет, как и мысль о том, что меня там трогают. Крепко сжимаю колени.

— Расслабься, будет приятно.

Раф раздвигает мне ноги и нежно водит пальцами под бельем, ласкает чувствительную кожу. Сердце при каждом ударе словно надрывается. Еще. Еще. И еще.

Он ласкает меня все активнее, во рту становится много слюны, внизу живота ноет.

Раф стягивает штаны и шуршит упаковкой. Я не смотрю, не хочу видеть. Молча снимаю белье.

Когда он вновь нависает, страх уступает место потребности трогать и обнимать его, такого теплого.

— Малыш? — шепчет Алекс, целуя в шею. Напряженный, горячий. Спрашивает разрешения.

— Ногу мне вторую не сломай только, — отвечаю с улыбкой. — Пожалуйста.

Он усмехается. Кивает, обещая безопасность. Затем серьезнеет и подтягивает меня под себя.

В момент проникновения я крепко зажмуриваюсь, ожидая разочарование и боль, но их практически нет. Остальные же ощущения вдруг взлетают на максимум — каждая клетка вспыхивает. Толчок, еще один, еще.

Вцепляюсь в руку Алекса, сжимаю ее, не справляясь с удовольствием. Разрывает на части. Чувство наполненности ни с чем не сравнимое. И приятное, и жуткое одновременно. Но хочется еще.

Я часто дышу, задыхаюсь.

Выгибаюсь и запрокидываю голову. Жарко! Раф сжимает крепче и глубже впечатывается в тело. Достигает упора. Кончики пальцев даже не покалывает. Какое там! Их словно наждачкой трут. Меня бросает в пот.

Раф вдруг останавливается.

— Как ты? — спрашивает низко, на выдохе. — Больно? Плачешь, малыш. — Он касается губами щеки.

Киваю, не признаваясь в том, что приятно. Если честно. С ним — очень. Обалденно просто. Отвечаю тихонечко:

— Продолжай.

Он шумно втягивает воздух.

— Да?

— Можно.

Алекс выходит из меня и совершает сильный размашистый толчок. Слезы брызгают. Это слишком!

Удовольствие ослепляет стремительной болью и кайфом. Бешено горячо. Словно там факел зажегся. Я вздрагиваю от неожиданности, Алекс тут же застывает.

— Прости-прости, — шепчет. — Не буду.

Переходит на более спокойный темп. Теперь я будто тлею, становясь чувствительной. Алекс плавно двигается, привыкая и обосновываясь. Мы оба громко дышим.

— Так нормально?

— Да. А тебе?

— Лучше, чем думал, — отвечает он, целует в шею. — Очень нравишься.

После этих слов Алекс сильно втягивает в себя мою кожу. Затем отпускает, ведет языком. И продолжает двигаться. По-прежнему плавно, но значительно активнее. Быстрее, глубже.

Сжимаю его плечи, все еще не веря, что делаю это. Жизнь несется в пропасть, а я лишь добавляю ускорение.

Глава 8

Равский оставил на моей шее засос размером с галактику и не звонит.

Кручусь перед зеркалом, разглядывая синеватое пятно и размышляя, можно ли его как-то спрятать. В водолазке будет слишком жарко, в шарфике — странно. Да и мне в больницу, а там духота! Нужно пройти еще трех врачей и, если повезет, попасть наконец к терапевту, взять направление на реабилитацию.

При одной мысли о больничной лестнице становится не по себе, и нога откликается фантомной болью. Еще пятно это! Злюсь. Беру тональник, наношу толстый слой.

И вообще! Не то чтобы я ждала от Рафа «Спокойной ночи, котенок» или «Доброе утро, моя девочка». Даже мыслей таких нет! Переспали — подумаешь?

Ну стал он моим первым мужчиной... Разве такие мелочи что-то значат в наше время?

Замираю и опускаю газа. Рассматриваю пальцы на ногах, пока сердце отбивает быстрый марш, а глаза жжет. Хоть что-то можно было ведь...

Зря я с ним переспала, конечно. Он отвез домой, я тщательно помылась и все равно всю ночь чувствовала его запах. Будто бы пропиталась им, словно вьелся. Просыпалась, ворочалась, проверяла сотовый. Пусто. Все чудилось, что Алекс рядом, что снова обнимаю его. Между ног жгло опять же, как напоминание.

Вот тебе и романтика.

С другой стороны, если бы прошлым вечером я не сделала хоть что-то значительное, то просто сошла бы с ума. Нужно было отвлечься.

Вот, отвлеклась, поздравляю! Тут же передразниваю себя и наношу еще один слой тонального. Лучше бы в караоке выбралась!

Одно я знаю точно: если Алекс не позвонит, переживать не буду. Есть такой тип мужчин — потеряшки. Я читала об этом. Сильно травмированные личности, которые не способны на привязанность. Они пропадают сразу после первого секса. Девушки расстраиваются, что дело в них, но в реальности же адекватный человек всегда завершит общение достойно. Особенно если секс ему понравился. А Равскому понравился, я уверена.

Добиться, поиметь и исчезнуть — поведение типичного контрзависимого неудачника, заслуживающего сочувствия. И психотерапию.

Даже если Раф ничего больше не напишет, я не стану чувствовать себя использованной. Я хорошо провела время и получила, в принципе, то, зачем ехала. Наверное.

Качаю головой и тянусь за платком, обматываю вокруг шеи. Пора поспешить, чтобы добраться до метро.

Уже начинаю обуваться, как звонит сотовый. Номер неизвестный. Зажимаю трубку плечом, завязывая кроссовку. Костыль с грохотом падает, и я неприятно морщусь.

— Здравствуйте, — говорю бегло, тянусь за «любимым» аксессуаром.

— Иванна Ершова?

— Да.

— Клиника «Лаборатория здоровья». Мы звоним напомнить, что через два часа у вас прием у врача и первая физиотерапия. Вы будете?

Пораженно качаю головой. Они издеваются?

— Спасибо, но я же отменила этот этап. Дальше буду лечиться в государственной клинике.

— Эм. Вы хотите оформить возврат средств?

Замираю.

— Что? Каких средств?

— У вас оплачено полное восстановление после спортивной травмы. Максимальный пакет. Вы не хотите больше у нас лечиться? Если так, не могли бы поговорить с нашим менеджером и ответить на вопросы? Мы должны знать причину, чтобы стать лучше...

Догадка осеняет: «Линкс» передумали? Спонсор хоть и разорвал контракт, но оплатил мне лечение?! Это так благородно!

— Погодите! Все оплачено? Точно нет ошибки?

Через полтора часа я влетаю, если можно так выразиться в моем положении, в «Лабораторию здоровья». Между лопаток катятся капли пота — так тороплюсь. Прошу на ресепшене свою карту и чеки.

А потом застываю и нервно кусаю губу.

Ошибки и правда нет, зато есть подпись Алекса. Большая «Р», мелкие стремительные буквы. Не «Линкс», увы. Равский.

Жар прокатывается по телу, мужского запаха будто становится больше. И правда под кожей.

Раф оплатил все: массажи, физиотерапию, ЛФК с тренером клиники. Своему я больше не интересна.

Губы пересыхают. Начинает потряхивать.

Сообщений и звонков по-прежнему нет. Трахнул и щедро заплатил. Вот как это делается. Лицо нестерпимо горит.

Спустя пять минут я сижу в кресле-каталке и поднимаюсь в прозрачном лифте на нужный этаж, рядом стоит улыбчивая медсестра. Интересуется, удобно ли мне.

Да. Не то слово. У самой же внутри паника.

Вжимаюсь в сидушку так, словно мечтаю стать ее частью. И пульс шпарит как бешеный. Что происходит вообще? Что я делаю?

«Привет! Заеду в шесть».

Следом приходит: «ОК?»

Вау, Алекс старается. Сжимаю телефон, а затем откладываю подальше. Подтягиваю колено к груди, обнимаю крепко.

В клинике мне сделали горячий травяной чай, массаж ноги вокруг загипсованной части, провели физиотерапию, после которой отек уменьшился на глазах! Позанимались еще и здоровой ногой — там тоже кости истонченные, нужно восстанавливать, иначе есть риск такого же перелома.

Утвердили список питания, план лечения... Я приехала домой и просто рухнула от усталости!

И вот в пять вечера он ставит перед фактом, что скоро будет.

Получается, опять придется с ним спать? Волосы встают дыбом, и сердце сжимается от ужаса.

Какие могут быть сомнения? Зачем он еще едет? Чтобы трахаться! Крепко стискиваю ноги и дрожу. Становится дурно.

Ну нет, я не шлюха. Я... чемпионка! Хоть и бывшая. Я достойна большего. Если быть с мужчиной, то по любви. По обоюдному желанию.

Гордость такая острая, что изнутри вспарывает кожу. Меня накрывает паникой и презрением к себе самой. В следующее мгновение сдаюсь и просто рыдаю.

Успокоиться удастся только минут через сорок. Протираю лицо тоником и принимаю решение отказаться от клиники. Как бы тяжело ни было, как бы мне ни нравилось лечение там — современное, удобное, лучшее... Справлюсь сама.

Как-нибудь.

Не могу я! Ну не могу бежать и раздвигать ноги по первому требованию!

«Подъезжаю».

Уже? Как быстро пролетел этот час! Строчу:

«Сейчас спущусь».

«Я поднимусь, все нормально».

Округляю глаза. Этого еще не хватало! Как же мне его бросать-то, когда он в гости намылился? Сразу у порога?

Дескать, давай расстанемся, но, раз приехал, не хочешь чаю?

Или сначала угостить, а потом: «Забери свои экологические деньги, я лучше по больницам буду маяться, чем спать с тобой».

Супер. Один вариант лучше другого.

Надеваю платье и пытаюсь справиться с молнией на спине, когда в дверь стучат. Да что Раф такой быстрый-то! Я еще не составила новый план. Ну почему он не «потеряшка»?!

Звонят.

Ар-р! Зачем он так? Я бы аккуратно все сказала, вышла из машины. И пошла домой. Он бы уехал. Было бы достойно и правильно.

Снова стучат. Телефон вибрирует. Надпись: «Раф».

Ай-я-яй!

Одеревеневшие от шока пальцы не слушаются, я с трудом дотягиваюсь до бегунка молнии, тяну вверх. Заело!

Равский звонит. Не терпится ему, видимо.

Делать нечего. Беру костыль и иду в расстегнутом наполовину платье.

Открываю дверь и первое, что вижу, — букет лилий.

Душа ухает вниз. Они такие красивые!

— Привет. Вау! Ничего себе! — шепчу.

Раф смотрит с легкой улыбкой. Рот сам начинает двигаться, я слышу свой жалкий, оправдывающийся голос:

— Извини, что долго не открывала. Молнию заело, представляешь? Никак не могла справиться.

Алекс переступает порог квартиры, атакуя мое жилище. Я же будто разбиваюсь всмятку. Сцены вчерашней близости обрушиваются водопадом: картинки, ощущения, запахи. И поцелуи. Сглатываю и резко отворачиваюсь. Нужно же вести себя достойно, не давать понять, как было обидно молчание.

— Поможешь? Пожалуйста. — Прижимаю к груди букет.

Алекс произносит:

— Конечно.

Пальцы касаются обнаженной спины. Белье у меня телесное, он это видит, разумеется. Делает шаг ближе, склоняется. Сегодня у Алекса другая туалетная вода, тоже приятная.

— Тут действительно заело. Подожди немного, попробую починить. — Голос прокатывается по телу.

— Давай.

В ушах шумит. Сейчас я скажу Равскому: «Починил? Спасибо. Но тебе лучше уйти».

Он копается с замочком. При каждом касании к коже едва не вздрагиваю. Алекс молчит.

В полной тишине только два наших дыхания.

Наконец получается! Он тянет бегунок вверх до конца.

— Готово.

Я оборачиваюсь и улыбаюсь:

— Спасибо.

— Ты такая румяная, — отвечает он. — Все хорошо?

— О да, немного нервничаю.

— Не нужно.

Скажи ему: «Спасибо, что оплатил клинику, но я хочу вернуть деньги. Больше не приезжай».

Открываю рот, Алекс оглядывает меня с головы до ног.

— Обалдеть, какая ты красивая. Одна дома? Тут два букета, один для тебя, второй для мамы. — Он понижает голос и чуть прищуривается: — Мама нормально к лилиям? Или я опять мимо? — И пялится.

Пульс зашкаливает.

Это так мило, если честно! Я рыдала почти час, а он выбирал для нас с мамой цветы.

— Да, одна, мама придет лишь утром. Она работает медсестрой.

— Лишь утром?

Ноги слабеют. Букеты слишком тяжелые.

— Да.

Он подходит, а я вдруг опускаю цветы на комод и... вцепляюсь в Алекса намертво. Как-то само собой так получается, наверное, из-за нервного срыва.

Поцелуй сразу влажный и горячий. Вкуса столько, что мозг отключается. Ладони Равского уже на моей заднице. Причем обе. Он прижимает меня к себе рывком, да так, что ощущается каменное напряжение в его паху.

Мне этого и нужно, оказывается. Решительности. Чьей-то силы. Сама я... не справляюсь!

Алекс будто чувствует, жмет к себе до боли, до того, что начинаю задыхаться. Пьет через губы.

Срываюсь на дрожь и обмякаю.

Сразу с разбегу в пропасть, не давая освоиться.

Тепло по телу! Горячее, классное. И ощущение, что я лучшая. Особенная.

Раф подхватывает меня под ягодицы и несет вглубь квартиры. Прямо в обуви. Но вместо того, чтобы возмутиться, я прикусываю его за губу и крепче обнимаю.

— Стоп! — Задыхаюсь.

Он тут же останавливается. Прерывает поцелуй и трется губами о щеку.

— Я спешу? Не хочешь меня?

Он уйдет. Если я скажу «нет», он уйдет, и станет холодно. Какой ужас творится! Надо прогнать его.

Вместо этого вцепляюсь крепче и прижимаюсь отчаяннее. Капитулирую:

— Там мамина комната. Моя налево.

Глава 9

Раф ведет костяшками пальцев по моему животу. Обводит пупок. Наклоняется и... целует чуть ниже. Мышцы моментально напрягаются. Я облизываю губы и в миллионный раз за полчаса задерживаю дыхание из-за того, как это приятно.

— Однажды нам нужно будет заняться сексом без одежды. — Его голос в тишине квартиры звучит грубо, а смешок в конце получается отрезвляющим.

Быстро опускаю подол платья, прикрываясь, и мгновенно жалею о том, что мы делали. Двигались навстречу друг другу. В основном Алекс, конечно. Плавно, жадно. Едва я подчинилась, близость стала походить на животный танец.

Боли практически не было, лишь удовольствие от каждого соприкосновения..

Мы и правда как звери: с порога вцепились друг в друга, давай трусы стягивать. Губы горят от бешеных поцелуев, у Алекса они тоже припухшие. Да и глаза диковатые. Блестят лихорадочно, словно он ловит знак для повторного захода.

Отвечаю, изрядно смутившись:

— Однажды — может быть.

Но явно не сегодня! Поднимаюсь, ища глазами белье. Алекс тоже садится, подтягивает штаны.

— Цветы в воду поставлю. Мама придет утром, обрадуется... — Надеваю стринги, стараясь не смотреть на него.

Равский вдруг обхватывает меня за талию, тянет к себе и целует в шею.

— Не спеши. Я помогу.

Вместе мы покидаем комнату. Я опираюсь на него, все еще изрядно смущаясь. Предлагаю чай, в глубине души надеясь, что откажется.

Соглашается.

Нервно так, конечно. Когда мы начинаем целоваться, все происходит само собой. Разговор вот только никак не клеится. Вообще, ситуация странная. Я дважды переспала с Алексом, потому что сама этого хотела. Но при этом нуждаюсь в деньгах и принимаю от него огромные суммы. В целом складывающаяся картина так себе, и как ее сгладить, нет ни одной идеи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.